

г. Пермь

„Город на заре“

Пермский ТЮЗ, театр, с которым мы еще не знакомы, репетирует первый свой спектакль. Можно себе представить, как всем в ТЮЗе сейчас трудно. Трудно именно потому, что мы, зрители, еще с ним не знакомы. Театр не имеет еще ничего, кроме здания. Даже привычное слово «коллектив» в этом случае, пожалуй, не применимо: главному режиссеру Георгию Георгиевичу Чодришвили еще только предстоит его создать.

Я разговаривал с Чодришвили в течение всего одного вечера. Но этого оказалось вполне достаточно, чтобы понять, какие «стратегические» задачи ставит перед собой ТЮЗ: ответить на самые острые вопросы дня, те вопросы, на которые молодежь подчас не может найти ответа во взрослом театре.

ТЮЗ репетирует «Город на заре». Я спросил главного режиссера, почему для своего первого спектакля ТЮЗ взял эту старую пьесу Алексея Арбузова. Чодришвили сказал:

— Читайте пьесу и вам это станет ясно.

«Город на заре». Да, это верный, своевременный выбор. Кстати, сам Арбузов чувствовал, что драматическая хроника о строительстве Комсомольска-на-Амуре, написанная в 1939—1941 годах, может быть острым спектаклем и в наши дни — недаром он вернулся к ней в 1957 году и сделал новую редакцию.

Помните, как начинается пьеса? Белоус встает с нами, читателями, словно лицом к лицу, — он ставит свои бесхитростные, но совершенно неотразимые вопросы.

Тревожат ли тебя, как тревожили нас, далекие дороги и нехоженые тропы? Знаешь ли ты радость ночных споров, не забыл ли закон великого комсомольского товарищества? Готов ли, как мы, отдать жизнь за великое

ленинское дело? А что если ты заскучал и стал не по годам солиден и важен — не встаешь на защиту товарища по первому зову своей партийной совести, научился жить в мире с несправедливостью, остыла твоя вера в то святое дело?

Это красивые слова. Но не те пустопорожние, за которыми не стоит ровным счетом ничего и которых мы все слышали в разные времена ох как вдоволь. Обратите внимание, Белоус все время говорит «как мы». В этом все дело — читающий пьесу знает, кто это «мы». Строители-добровольцы первого призыва. И никто из нас не имеет права не принять вопросы Белоуса на свой счет.

Ведь это, на мой взгляд, пьеса о тех краеугольных моральных принципах, на которых зиждется коммунистический союз молодежи. О тех принципах, внутреннее принятие которых необходимо для каждого, вступающего в организацию. Разве это не наши сегодняшние острые вопросы? Разве не имеют вопросы Белоуса, вся хроника прямого отношения к нашим разговорам о «комсомольце-середняке» и «комсорге-чиновнике», разговорам на тему «что я даю комсомолу и что он мне дает»?

В «Городе на заре» есть такая простая сцена. Две недели идет дождь, из барака не выйдешь — сплошное болото. Вечер, трещит печь-временка, помигивает керосиновая лампа. Ребята играют в лото. Разговаривают про дождь и про болото. И вдруг кто-то вставляет:

— А какую мы вчера девочку похоронили... Губки бантиком. Весь он в этом, Комсомольск, вся она — страшная первая зима тридцат второго года.

Наташа, Оксана, Белоус, Зяблик, Альтман. Те, кто читал или видел на сцене «Город на заре»,

должны были ощутить, какие это крупные характеры. Чего стоит один Зяблик, мечтатель из Саранска, как назвал его автор. Он приехал на стройку с одним только зеркалом, завернутым в одеяло: «вещи он отвергает в принципе». Зяблик потом пойдет, утащит со склада аммонит, взорвет скалу, преграждавшую путь высокой воде, спасет ребят, погибнет сам.

Или одессит Альтман, появившийся на Амуре со скрипкой: «Может быть у нас в городе будет симфонический оркестр». Играть на скрипке Альтман не умел.

Я делал записи на репетиции третьего действия.

Так вот он какой, Аграновский, бывший секретарь горкома. Он лежит на кровати, составленной из ящиков, в своей комнате на чердаке старой избы. Стреляет из пистолета — яростно вбивает в стену вместе с пулями всю свою обиду. На кого? На Белоуса, Ивана Жмелькова, Доброва, начальника стройки, вообще всех, кто не встал за него, когда его снимали с должности секретаря горкома.

Наташа все еще его любит. Она пришла сейчас с улицы, и он может еще почувствовать, что принесла она сюда, на пыльный чердак, мартовскую свежесть.

Аграновский — не простодушная сволочь. Когда изголодавшиеся ребята, вышедшие на берег встречать последний пароход перед ледоставом — с хлебом, повидлом и брынзой, узнали, что привезли машины, Аграновский сказал:

— Что бы ни случилось, нельзя падать духом. Мы — комсомольцы. Я иду разгружать пароход.

И это в тот момент, когда даже железный Белоус не смог скрыть отчаяния. В сцене с пароходом еще не было заметно, что

за высокими словами Аграновского стоит безграничное равнодушие к тем, кто доверился ему, секретарю горкома.

Сцена на чердаке, — сильная сцена. Аграновский сейчас будет себя разоблачать. Репетируют: Александр Дмитриев (Аграновский), Галина Промтова (Наташа), Сергей Петренко (Белоус), Борис Васильевич Мамонтов (Добров).

— Я не из тех, кому прощают, — говорит Наташе Аграновский. — Я работал в ЦК — на съездах мое имя встречали аплодисментами. Но я не всегда торопился соглашаться с большинством. Да, да! Я позволял себе роскошь иметь свое, личное мнение...

Здесь актеру, играющему Аграновского, предстоит убедить нас, что его герой не может не сказать слова, которые заронят первые сомнения в Наташе, а зрителей заставят поежиться от вдумчивого презрения к Аграновскому.

Он проговаривается: — Вернуться отсюда победителем, вот мой единственный шанс. Теперь я лишен и его.

Теперь нам предстоит убедиться, как в сущности внутренне убог Аграновский, обыватель в облачении вождя. После того, как Наташа, разряжая револьвер «по воробьям», делает мысль Аграновского о самоубийстве нелепой, мы еще заглянем в душу Аграновского сквозь все ширмы. «Уеду в какой-нибудь городишко, женюсь, наплюю детей и буду разводить подсолнухи».

...Пермский ТЮЗ репетирует «Город на заре», готовится к первой встрече со своим зрителем. Очень нужной всем нам встрече.

Ю. НАДЕЖДИН.